

УДК 94(430).082

Власов Н.А., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Представленное исследование посвящено образу российского панславизма в выступлениях депутатов германского рейхстага в 1871–1895 гг. Данный период являлся временем кардинального ухудшения российско-германских отношений. Значительную роль в этом процессе играло немецкое общественное мнение, в формировании которого активно участвовали политические партии и парламентские институты. Изучение парламентского дискурса, таким образом, дает возможность лучше понять политические решения в сфере международных отношений. Источниковую базу исследования образуют протоколы заседаний рейхстага, в качестве метода использовался качественный контент-анализ. Основной вывод заключается в том, что на протяжении рассматриваемого периода существовал общий для всех германских политических сил негативный образ российского панславизма. Этот образ присутствует в выступлениях депутатов рейхстага со второй половины 1870-х гг. Российский панславизм воспринимался представителями всех партий – от социал-демократов до консерваторов – как могущественная, враждебная Германии сила, способная влиять на принятие политических решений в Российской империи и спровоцировать войну между двумя странами. В рамках такой трактовки ухудшение двусторонних отношений воспринималось как естественное следствие деятельности российских панславистов.

Ключевые слова: панславизм, рейхстаг, российско-германские отношения, образ России, парламентские дебаты, политические партии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-20-28

Введение. Последняя треть XIX в. стала временем важных изменений в российско-германских отношениях. Если в начале этого периода отношения двух стран характеризовались – пусть и с известными оговорками – как союзнические, то к рубежу веков Российская и Германская империи оказались в составе двух противостоящих друг другу военно-политических альянсов. Впоследствии это привело к кровавому столкновению их армий на полях Первой мировой войны. Именно в свете последующих событий актуальным является вопрос о том, каковы были причины этого развития и имелись ли у него альтернативы.

Политическая сторона российско-германских отношений и их экономическая составляющая на данный момент изучены достаточно хорошо [2; 9; 12; 14], чего нельзя сказать об общественном мнении двух стран. Так, существует лишь небольшое количество исследований, посвященных образу России в германском обществе последней трети XIX в. Среди них следует особо упомянуть работу М. Ламмих, изучавшей образ Восточной Европы в немецком обществе в период основания Германской империи [10], а также

четвертый том фундаментального труда «Русские и Россия глазами немцев», посвященный последней трети XIX и началу XX в. [13]. В целом же тема представлений немцев о России последней трети XIX в. раскрыта в историографии далеко не полностью.

В частности, по сегодняшний день предметом самостоятельного анализа не стали существовавшие в Германии представления о российском панславизме. Между тем, панславизм (часто отождествлявшийся здесь со славянофильством) вызывал живой интерес в немецком обществе и военно-политической элите и являлся одной из ключевых составляющих образа России. Его часто представляли себе в виде мощного движения, оказывающего доминирующее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи. Широко была распространена точка зрения, согласно которой именно под давлением панславистов Александр II против своей воли вступил в войну с Османской империей [16, S. 91]. Это повышенное внимание к российскому панславизму не могло не оказать влияния и на парламентские дискуссии.

Германский парламент – рейхстаг – не имел формальных полномочий в сфере

внешней политики. В связи с этим большинство исследований германской дипломатии 1870–80-х гг. сфокусированы исключительно на деятельности имперского канцлера О. фон Бисмарка, который, по словам К. Каниса, «почти неограниченно господствовал» в данной сфере [6, S. 55]. Тем не менее, парламент обладал определенными рычагами воздействия на правительство, включая бюджетное право и участие в законодательном процессе. В результате, к примеру, при рассмотрении расходов на внешнеполитическое ведомство или военных законопроектов вопросы международных отношений и международной безопасности оказывались на повестке дня рейхстага. Обсуждение подобного рода сюжетов могло происходить и по инициативе самих депутатов при помощи интерпелляций.

Была и еще одна причина, по которой Бисмарк был вынужден считаться с парламентом. Рейхстаг достаточно быстро смог приобрести большое влияние на немецкую общественность, интерес которой к политике неуклонно рос. Поскольку в последней трети XIX в. правительство уже не могло игнорировать общественное мнение, это увеличивало возможности парламента. Последний, по словам немецкого исследователя А. Бифанга, стал «важнейшим представителем или, если угодно, важнейшим символом политической нации», способным «привлечь к себе внимание регионально, политически, конфессионально и социально расколотого общества» [3, S. 41]. Связующим звеном между парламентом и обществом являлась пресса, публиковавшая подробные отчеты обо всех заседаниях рейхстага. В свою очередь, материалы политической периодики внимательно изучались и часто цитировались депутатами в своих речах. Рейхстаг, таким образом, одновременно отражал общественное мнение и формировал его.

Это позволяло парламенту занять более сильную позицию в системе институтов Второго рейха, чем формально предписывала конституция. Далеко не случайно уже в начале 1880-х гг. Бисмарк пытался ослабить рейхстаг созданием параллельных структур, а введение всеобщего избирательного права называл своей ошибкой [8, S. 412]. Тем не менее, обратного пути уже не было: с парламентом приходилось считаться как в силу его

участием в законодательной деятельности, так и благодаря его влиянию на общество.

Именно последний фактор является основанием для того, чтобы при изучении образа российского панславизма в глазах немцев обратить особое внимание на парламентские дебаты. Выступления депутатов отражали существовавшие в различных сегментах германского общества взгляды на проблему и одновременно формировали политический дискурс. Целью представленной статьи, таким образом, является реконструкция образа российского панславизма в выступлениях депутатов германского рейхстага в последней трети XIX в. При этом были поставлены следующие исследовательские вопросы: насколько часто немецкие парламентарии обращались к данной проблеме? Существовал ли единый образ российского панславизма, характерный для германской партийно-политической элиты в целом, или отношение к данному явлению зависело от политических взглядов депутата? В какие периоды и в каком контексте эта проблема упоминалась наиболее часто?

Объекты и методы исследования. В качестве методологии исследования был выбран качественный контент-анализ. В отличие от количественного («базового»), качественный контент-анализ подразумевает не просто подсчет слов, фраз или сюжетов, присутствующих в тексте, а их интерпретация и подробное рассмотрение контекста их упоминания [7, pp. 81-120]. По словам отечественной исследовательницы К.П. Боришполец, «качественный контент-анализ нацелен на углубленное содержательное изучение текстового материала, в том числе, с точки зрения контекста, в котором представлены выделенные категории» [1, с. 59]. Используемая в настоящем исследовании методика проведения качественного контент-анализа разработана германской исследовательницей М. Шрайер [15]. Она включает в себя создание корпуса текстов (источниковая база), выбор единиц кодирования, заполнение данными кодировочной таблицы, анализ и интерпретацию полученных результатов.

В качестве корпуса текстов в данном случае были использованы протоколы заседаний рейхстага за период с 1871 по 1895 гг. В качестве начальной точки выбран год

провозглашения единой Германской империи; конечная точка – год, следовавший за заключением франко-русского союза и подписанием русско-германского торгового договора. Таким образом, данный отрезок времени охватывает период упомянутой выше трансформации отношений между Россией и Германией.

В качестве единицы анализа были выбраны слова с корнем «панславизм» – как существительные, так и прилагательные («панслависты», «панславистский» и т.п.). Кроме того, учитывались возможные синонимы – к примеру, «общеславянский» или просто «славянский» (в значении «панславистский»). В кодировочной таблице отмечались дата выступления, фамилия и партийная принадлежность оратора, контекст употребления термина.

Результаты и их обсуждение. В общей сложности в процессе исследования удалось обнаружить 36 выступлений, в которых упоминается российский панславизм, а также один доклад парламентской комиссии. Оценивая эти цифры, необходимо помнить о том, что внешняя политика не являлась сферой полномочий рейхстага и поэтому оказывалась на повестке дня относительно редко. Хронологически можно выделить три периода повышенного внимания к российскому панславизму, на которые приходится подавляющее большинство высказываний: с осени 1876 г. до весны 1880 г. (Восточный кризис и его ближайшие последствия), с конца 1885 г. до конца 1887 г. (Болгарский кризис и «военная тревога»), 1893–1894 гг. (подготовка и заключение торгового договора с Российской империей). Упоминание панславизма, как и можно было предположить, в основном происходило в рамках обсуждения вопросов, имевших прямое отношение к внешней политике или политике безопасности: военное законодательство (12 текстов), бюджетные расходы (10 текстов), таможенная политика (7 текстов).

Что касается партийной принадлежности ораторов, то можно констатировать, что к теме российского панславизма обращались представители практически всех политических лагерей Германской империи. Так, чаще других этот сюжет упоминали представители трех партий, принадлежавших к совершенно различным течениям: левые либералы (6

депутатов, 8 текстов), католическая партия Центра (4 депутата, 7 текстов) и проправительственная Имперская партия (2 депутата, 7 текстов). Членом последней из них являлся В. фон Кардорфф – парламентарий, чаще других упоминавший российский панславизм в своих выступлениях. При этом выступления достаточно равномерно распределены по всему рассматриваемому периоду. К теме панславизма обращались также консерваторы (3 депутата, 3 текста), социал-демократы (2 депутата, 3 текста), представители польской фракции (3 депутата, 3 текста) и национал-либералы (2 депутата, 2 текста). Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема российского панславизма не являлась характерной исключительно для какой-либо одной партии или направления.

Первое упоминание данного сюжета относилось к 1871 г. и носило скорее эпизодический характер. Польский депутат В. фон Тачановски во время обсуждения вопроса присоединения к Германии Эльзас-Лотарингии заявил о том, что в Российской империи популярна идея войны с Германией ради собирания всех славян под властью Петербурга [17, S. 919]. В ответном слове представитель Национал-либеральной партии Ю. фон Хенниг высмеял эти опасения как не имеющие реальной основы – даже если российский император захочет собрать под своим скипетром всех славян, это будет технически непросто сделать [17, S. 932]. На тот момент проблема панславизма не вызывала серьезного беспокойства в немецком обществе, тем более что политические отношения между Берлином и Петербургом выглядели весьма позитивно.

Бисмарк официально позиционировал Российскую империю как дружественную Германии державу, поэтому тезисы об опасности панславизма звучали до определенного момента в основном со стороны партий, критиковавших правительственную политику. Так, при обсуждении бюджета в ноябре 1876 г. представитель Центра Й. Йорг заявил, что Россия желает расчленить Османскую империю и Австро-Венгрию и создать на их обломках «колоссальную славянскую мировую державу», которая будет представлять смертельную опасность для Германии [18, S. 39]. При этом в роли движущей силы выступали славянские комитеты, влияние коих якобы

настолько велико, что даже российский император будет вынужден ему подчиниться [18, S. 41]. Месяц спустя при обсуждении интерpellации, касавшейся российской таможенной политики, депутаты Центра вновь завели речь об актуальной международной повестке. Лидер партии Л. Виндтхорст подчеркнул, что образование сообщества славянских государств под властью России не в интересах Германской империи [18, S. 590].

В защиту правительственной политики выступил один из лидеров Имперской партии граф Э.Г. фон Бетузи-Юк. Его основной тезис был прост: «Изоляция России, к которой может привести охлаждение с нашей стороны, с неизбежностью завершится тем, что она окажется вынуждена заключить союз с Францией или выступить в нежеланной ей самой роли вождя панславистского движения» [18, S. 589–590]. Любопытно, что в данном случае обе стороны, во-первых, одинаково негативно относились к панславизму, во-вторых, отделяли его от российского государства, рассматривая как некую самостоятельную политическую силу.

После начала русско-турецкой войны, однако, официальная российская политика стала в возрастающей степени отождествляться с панславистской идеологией. В конце апреля 1877 г. при обсуждении бюджета представители партии Центра вновь заявили, что российский панславизм представляет угрозу для немцев, а российским правительственным заверениям нельзя верить [19, S. 780]. В феврале следующего года на повестке дня рейхстага оказалась интерpellация национал-либералов, касавшаяся Восточного вопроса. В данном случае депутаты достаточно далеко вторгли в сферу полномочий канцлера и внешнеполитического ведомства. На этот раз не только представители Центра, но и депутат Прогрессистской партии А. Хенель фактически отождествил «русские интересы» и «панславистское течение» и указал на необходимость принимать во внимание австрийские пожелания [20, S. 100–101].

Эта тенденция нашла свое продолжение после того, как в 1878–79 гг. российско-германские отношения серьезно ухудшились. Германская официозная пресса начала транслировать негативный образ России, осенью 1879 г. был заключен оборонительный союз с

Австро-Венгрией. Бисмарк горько жаловался на неблагодарность Петербурга, якобы не оценившего его «добрые услуги» в ходе Берлинского конгресса [11, S. 177]. В этой ситуации не только оппозиционные, но и абсолютно лояльные правительству парламентарии стали в своих выступлениях уделять больше внимания российскому панславизму.

В начале 1880 г. у депутатов имелось целых два повода обсудить международную обстановку: принятие очередного бюджета и новый военный законопроект. На сей раз представители целого ряда партий в своих речах упоминали российский панславизм как серьезную, постоянно растущую угрозу. В. фон Кардорфф (Имперская партия) заявил, что хотя российский император и народ настроены миролюбиво, но «дикие панслависты и нигилисты», начертавшие на своих знаменах лозунг «Константинополь следует завоевать в Берлине», достигли такого могущества, что вполне могут развязать войну против Германии [21, S. 37]. Лидер национал-либералов Р. фон Беннигсен подчеркивал, что в России растет ненависть ко всему немецкому, а «панславистское движение, требования которого ставят под вопрос всю систему государств на востоке Европы, за последние годы – до и после Восточной войны – увеличилось в масштабах и расширило свое влияние, распространившееся на те круги, куда ранее не проникало, (...) из чего может возникнуть большая опасность для остальной Европы и для нас в частности» [21, S. 190]. Российское правительство может однажды оказаться не в состоянии противостоять панславистскому движению, требующему войны с немцами. Развернутую характеристику российскому панславизму дал, наконец, польский депутат Т. Магжински. Он призвал не отождествлять славянство с панславизмом – реакционным, деспотичным, родственным нигилизму и коммунизму. По его словам, панславизм представляет смертельную угрозу германскому миру, и преградой на его пути может стать лишь независимая Польша. Магжински в своем выступлении уже не проводил различия между российской правительственной политикой и панславизмом, который называл «инструментом московитской алчности» [21, S. 691]. Одним из самых любопытных элементов этих выступлений является

отождествление – или, по крайней мере, упоминание как близких родственных течений – панславизма и нигилизма. В Германии рубежа 1870-80-х гг. была широко распространена точка зрения, согласно которой панславизм является по сути своей революционной силой, ориентированной на серьезные внутренние перемены в России.

С несколько иной точкой зрения выступил лидер германской социал-демократии А. Бебель, заявивший, что российский панславизм, хотя и существует, но не обладает решающим влиянием на политику страны; угроза с этой стороны сильно преувеличена [21, S. 44]. Впрочем, это совершенно не означало, что социал-демократы придерживались принципиально иного мнения относительно панславизма как такового. Несколько лет спустя другой социал-демократический лидер, В. Либкнехт, заявил, что «царская, панславистская Россия» «была и остается нашим врагом» и «пытается натравить на нас другие славянские нации». При этом он критиковал политику Бисмарка как слишком дружественную по отношению к России [22, S. 48].

В первой половине 1880-х гг. проблема российского панславизма исчезла из протоколов парламентских дебатов, чтобы вновь появиться там после начала Болгарского кризиса. В 1886–1887 гг. на фоне ухудшения российско-германских отношений представители различных политических партий – от консерваторов до левых либералов – не раз обращались к этой теме. Характерной чертой этого периода являлось большое внимание к российской прессе и частое упоминание имени российского публициста М.Н. Каткова. Так, депутат Немецкой свободомыслящей партии Ю. Мёллер охарактеризовал Каткова как «возможно, самого влиятельного человека во всей России», чья газета «уже много лет самыми резкими словами обрушивается на немцев» [22, S. 545]. В. фон Кардорфф в своем выступлении использовал аналогичный образ, однако возлагал часть ответственности на германскую оппозиционную прессу, которая, по его мнению, косвенно способствует разжиганию в России враждебности к немцам [23, S. 418]. Ему возразил левый либерал Л. Бамбергер, заявивший, что «ненависть к Германии в России даже старше панславизма», дополнительно разжигающего

эту ненависть вне зависимости от того, что пишут немецкие газеты [23, S. 420].

Достаточно любопытно сравнить эти тезисы с тем, что одновременно говорил и писал Бисмарк. Официально заявляя о необходимости и возможности хороших отношений с восточным соседом, выражая доверие российскому императору, канцлер в служебной переписке в конце 1886 г. заявлял, что не знает, кто в России на самом деле «обладает императорским влиянием – Александр III или Катков» [5, S. 427]. «Опасаясь, что мое мнение по поводу излечимости болезни являлось ошибочным, и все наши попытки добиться от России благодарности и взаимности в ответ на наши шаги ей навстречу не имеют шансов на успех», - писал он в феврале 1887 г. германскому послу в Петербурге Г.Л. фон Швейницу [4, S. 381]. «Нам следует считаться с возможностью разрыва дружбы с Россией в результате революционного давления или восстания», - утверждал канцлер в другом документе [4, S. 403]. Получается, что в реальности по вопросу об опасности со стороны российского панславизма между Бисмарком и его парламентскими оппонентами не имелось существенных расхождений; в своих рассуждениях они руководствовались одними и теми же образами и представлениями.

Хотя острая фаза кризиса в российско-германских отношениях завершилась в 1888 г., тема российского панславизма продолжала обсуждаться в рейхстаге. Судя по всему, к этому моменту образ приобрел законченные черты: панславизм воспринимался как могучая сила, по сути своей враждебная Германии, неподконтрольная российскому императору и, более того, способная в любой момент вынудить последнего принять далеко идущие внешнеполитические решения. «Именно панславистская партия всегда подталкивает к войне», - заявил Кардорфф при обсуждении очередного военного законопроекта [24, S. 105]. В начале следующего года этот же депутат во время рассмотрения бюджета заявил, что, хотя российский император не хочет конфликта с Германией, «мы не должны забывать, что в России есть такие партии, как панслависты, нигилисты, которые никак нельзя отнести к миролюбивым, о которых мы совершенно точно знаем, что они

подталкивают к войне» [25, S. 1174]. Граф В.Ф. фон унд цу Хёнсбрех, представлявший партию Центра, и вовсе объявил панславизм угрозой не только для Германии, но и для всей Европы. На этом основании он возражал против любых соглашений с Россией, которые, по его словам, будут лишь способствовать ползучему распространению панславистской опасности [26, S. 1084].

Не была обойдена тема российского панславизма и при обсуждении торгового договора с Российской империей в февралемарте 1894 г. Канцлер Л. фон Каприви представил официальную точку зрения, согласно которой «если мы отвергнем руку, которую нам протянула Россия, то она полностью окажется под властью панславизма» [27, S. 1451]. Главе правительства возразил один из лидеров Немецкой консервативной партии барон В. фон Хаммерштейн, заявив, что торговый договор никак не изменит внешнюю политику России, которая «на протяжении веков направлена к одной цели» [27, S. 1903]. Партия Центра, напротив, поддержала Каприви устами своего депутата Ф. Либера: «Кто хоть немного знает ситуацию в России, будет вынужден признать, что в настоящий момент, когда панславизм, национализм носит если не официальный, то официозный характер, там нет ничего популярнее, чем полное отрицание каких-либо общих с Европой экономических интересов. Если германской торговой политике удастся включить эту Россию в европейское экономическое сообщество, то окажется достигнут один из величайших возможных успехов, в том числе с чисто экономической точки зрения» [27, S. 1911]. При этом оратор подчеркивал, что панславизм является экзистенциальной угрозой: «В тот момент, когда русские водрузят православный крест на куполе Святой Софии, настанет смертный час германской Европы» [27, S. 1911].

Важно подчеркнуть, что в парламентских дискуссиях первой половины 1890-х гг. панславизм все чаще отождествлялся не с нигилизмом, а с русским национализмом – или, говоря словами Каприви, «панрусизмом» [27, S. 1451]. Это можно сопоставить с мнением Швейница, писавшего в это же время,

что в России панславизм «отступает под натиском великорусской партии» [16, S. 422].

Заключение. Подводя итог, можно отметить, что образ панславизма в речах депутатов в значительной степени зависел от конкретной цели их выступления: критика или поддержка правительственной политики, лоббирование принятия определенных решений и т.д. Тем не менее, ключевые характеристики этого образа оставались неизменными вне зависимости от конкретной ситуации или той политической силы, которую представлял парламентарий. Таким образом, мы можем говорить о существовании у германской партийно-политической элиты последней трети XIX в. единого образа российского панславизма.

Этот образ являлся резко негативным. Начиная со второй половины 1870-х гг. российский панславизм представлялся немецким политикам как могущественная враждебная сила, доминирующая в российском обществе и оказывающая сильное давление на государственное руководство. Именно панславизм, по словам парламентариев, делал Россию опасным соседом, который в любой момент мог напасть на Германию. Причем если в 1870–80-е гг. панславизм часто отождествляли с нигилизмом, подразумевая его революционный характер, направленный против существующих структур на национальном и международном уровне, то в 1890-е гг. он начал все чаще упоминаться как форма национализма, продолжение традиционной российской политики. Соответственно, главными панславистскими акторами становились уже не общество и пресса, а само государство.

Представления о российском панславизме являлись в последней трети XIX в. одной из ключевых составляющих негативного образа России, распространявшегося в германском обществе. Соответственно, и ухудшение российско-германских отношений рассматривалось немецкими партийными политиками и общественным мнением как естественный и логичный процесс, а принимаемые в Берлине политические решения – как вынужденная реакция на внешнюю угрозу.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

Список литературы

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2010. 230 с.
2. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М.: Институт российской истории РАН, 1996. 271 с.
3. Biefang A. Der Reichstag als Symbol politischer Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867–1890 / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 23–42.
4. Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 7. Schriften 1886-1887. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2018. 681 S.
5. Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 7. 1883-1890. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 807 S.
6. Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 449 S.
7. Drisko J.W., Maschi T. Content Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2016. 191 p.
8. Klemm M. Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. L bis Z. Berlin: August Scherl GmbH, 1924. 459 S.
9. Kumpf-Korfes S. Bismarcks „Draht nach Rußland“. Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 219 S.
10. Lammich M. Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung. Boppard am Rhein: Harald Boldt, 1978. 298 S.
11. Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1920. 589 S.
12. Müller-Link H. Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1977. 506 S.
13. Rußland und Russen aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. 1160 S.
14. Schneider I. Die deutsche Rußlandpolitik 1890–1900. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. 329 S.
15. Schreier M. Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE Publications Ltd., 2012. 272 p.
16. Schweinitz H.L.v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 2. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1927. 479 S.
17. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 1. Legislatur-Periode. I. Session 1871. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1871. 1340 S.
18. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 2. Legislatur-Periode. IV. Session 1876. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1876. 602 S.
19. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 3. Legislatur-Periode. I. Session 1877. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1877. 1183 S.
20. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 3. Legislatur-Periode. II. Session 1878. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1878. 781 S.
21. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 4. Legislatur-Periode. III. Session 1880. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1880. 686 S.
22. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VI. Legislatur-Periode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1886. 678 S.
23. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VI. Legislatur-Periode. IV. Session 1886/87. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen

Allgemeinen Zeitung, 1887. 446 S.

24. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1890. 766 S.

25. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1891. 1450 S.

26. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. II. Session 1892/93. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1893. 1490 S.

27. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. IX. Legislatur-Periode. II. Session 1893/94. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1894. 1616 S.

THE IMAGE OF RUSSIAN PAN-SLAVISM IN THE GERMAN PARLIAMENTARY DEBATES DURING THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

The main topic of this research is the image of Russian pan-Slavism in German parliamentary discourse. The last third of the 19th century was the time of dramatic change in Russian-German relations – from an alliance to the membership in opposing military blocs. The driving forces of this deterioration were not only international politics and economy. Public opinion, especially in Germany, also played an important part in this process. Not entitled to take part in foreign policy decision making immediately, German political parties were able to influence public opinion on international issues. Therefore, the study of parliamentary debates makes it possible to understand the cooling of Russian-German relations. The sources of this research are minutes of parliament meetings from 1871 to 1895. Qualitative content analysis was chosen as the most appropriate method for this research. Main finding of this research is the existence of a single image of Russian pan-Slavism in German political parties from Conservatives to Left Liberals and Social Democrats. The use of this image was determined by the particular topic and corresponding interests of the party, but its key features remained the same. Pan-Slavism was perceived and presented as a powerful force in Russian society that was able even to overrule the emperor and to dictate political decision. This force was invariably hostile to Germany and constantly warmongering. Within the framework of this interpretation, the deterioration of bilateral relations was perceived by German society as a natural consequence of the activities of Russian pan-Slavists.

Keywords: pan-Slavism, Reichstag, Russian-German relations, the image of Russia, parliamentary debates, political parties.

References

1. Borishpolets K.P. (2010) *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of political studies]. Moscow: Aspect Press.
2. Subbotin Yu.F. (1996) *Rossiya i Germaniya: partnery i protivniki (torgovye otnosheniya v kontse XIX v. – 1914 g.)* [Russia and Germany: partners and adversaries (trade relations from the end of 19th century to 1914)]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN.
3. Biefang A. (2003) *Der Reichstag als Symbol politischer Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867–1890*, in: *Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
4. Bismarck O.v. (2018) *Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 7. Schriften 1886-1887*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
5. Bismarck O.v. (2001) *Werke in Auswahl. Bd. 7. 1883-1890*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
6. Canis K. (2008) *Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
7. Drisko J.W., Maschi T. (2016) *Content Analysis*. Oxford: Oxford University Press.
8. Klemm M. (1924) *Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. L bis Z*. Berlin: August Scherl GmbH.
9. Kumpf-Korfes S. (1968) *Bismarcks „Draht nach Rußland“: Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891*. Berlin: Akademie-Verlag.
10. Lammich M. (1978) *Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung*. Boppard am Rhein: Harald Boldt.

11. Lucius von Ballhausen R. (1920) Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger.
12. Müller-Link H. (1977) Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht.
13. Rußland und Russen aus deutscher Sicht. (2000) Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink Verlag.
14. Schneider I. (2003) Die deutsche Rußlandpolitik 1890–1900. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
15. Schreier M. (2012) Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE Publications Ltd.
16. Schweinitz H.L.v. (1927) Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 2. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing.
17. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1871) 1. Legislatur-Periode. I. Session 1871. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
18. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1876) 2. Legislatur-Periode. IV. Session 1876. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
19. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1877) 3. Legislatur-Periode. I. Session 1877. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
20. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1878) 3. Legislatur-Periode. II. Session 1878. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
21. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1880) 4. Legislatur-Periode. III. Session 1880. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
22. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1886) VI. Legislatur-Periode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
23. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1887) VI. Legislatur-Periode. IV. Session 1886/87. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
24. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1890) VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
25. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1891) VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
26. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1893) VIII. Legislatur-Periode. II. Session 1892/93. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
27. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1894) IX. Legislatur-Periode. II. Session 1893/94. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.

Об авторе

Власов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), E-mail: n.vlasov@spbu.ru

Vlasov Nikolay Anatol'evich – Candidate of History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, E-mail: n.vlasov@spbu.ru